

Атаманова Елена Тихоновна

НОВОЗАВЕТНЫЕ РЕМИНИСЦЕНЦИИ В ПОЭТИЧЕСКОМ ТВОРЧЕСТВЕ И. А. БУНИНА 1910-Х ГОДОВ

Статья посвящена исследованию новозаветных реминисценций в поэзии И. А. Бунина 1910-х годов. В отечественном литературоведении последних лет заметно актуализировалось изучение творчества русских писателей в контексте христианской культуры. В работе выделяются и анализируются основные новозаветные реминисценции в поэтическом наследии И. А. Бунина обозначенного периода, определяется их функциональное значение, указываются причины обращения поэта к Священному Писанию.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2015/7-2/5.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2015. № 7 (49): в 2-х ч. Ч. II. С. 24-27. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2015/7-2/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: phil@gramota.net

УДК 82:801,6; 82-1/-9

Филологические науки

Статья посвящена исследованию новозаветных реминисценций в поэзии И. А. Бунина 1910-х годов. В отечественном литературоведении последних лет заметно актуализировалось изучение творчества русских писателей в контексте христианской культуры. В работе выделяются и анализируются основные новозаветные реминисценции в поэтическом наследии И. А. Бунина обозначенного периода, определяется их функциональное значение, указываются причины обращения поэта к Священному Писанию.

Ключевые слова и фразы: новозаветные реминисценции; поэзия И. А. Бунина; христианская культура; цитата; евангельский сюжет; поэтическая легенда; притча о блудном сыне; историко-культурный контекст.

Атаманова Елена Тихоновна, к. филол. н., доцент
Елецкий государственный университет им. И. А. Бунина
et-atamanova@mail.ru

НОВОЗАВЕТНЫЕ РЕМИНИСЦЕНЦИИ В ПОЭТИЧЕСКОМ ТВОРЧЕСТВЕ И. А. БУНИНА 1910-Х ГОДОВ[©]

Творчество И. А. Бунина – удивительное явление отечественной художественной стилистики, которое привлекает внимание филологов XX-XXI столетий и анализируется с разных литературоведческих и лингвистических позиций.

Особый интерес, на наш взгляд, представляют исследования, в которых наследие И. А. Бунина рассматривается в контексте христианской культуры, так как в последнее время заметно актуализировался «религиозный вектор» (И. А. Есаулов) в отечественном литературоведении. Одной из первых и значимых работ в этом ряду стоит докторская диссертация Г. П. Климовой «Творчество И. А. Бунина и М. М. Пришвина в контексте христианской культуры», где основной задачей автора является «анализ христианских мотивов» и определение «типологической близости и контрастности двух современников в их взглядах на отечественную и мировую культуру, на Бога и Россию, на природу и человека» [8, с. 4]. К наиболее значимым исследованиям последних лет, на наш взгляд, относится монография О. А. Бердниковой «“Так сладок сердцу Божий мир”»: творчество И. А. Бунина в контексте христианской духовной традиции» [4].

Проблема реминисценций в отношении художественного наследия И. А. Бунина актуальна, и она уже находилась в центре внимания буниноведов [1; 7; 9]. Данная проблема интересовала в том числе и автора этих строк на уровне взаимодействия прозы И. А. Бунина и русской литературы XIX в. [2]. В предлагаемой статье мы выделим основные новозаветные реминисценции в поэзии И. А. Бунина 1910-х гг., проанализируем и определим их функциональное значение, и тем самым обозначим причины обращения к Священному Писанию в его поэтическом дискурсе указанного периода. Ветхозаветные реминисценции привлекаются нами лишь в отдельных случаях в качестве дополнительных комментариев.

Существует несколько определений реминисценции. В нашей работе под новозаветной реминисценцией понимается осознанное художественное обращение к тексту Священного Писания (Нового Завета), которое узнается и выражается на лексическом уровне.

Новозаветные реминисценции сюжетного плана обнаруживаются в нескольких стихотворениях И. А. Бунина 1910-х гг., посвященных бегству Иосифа и Марии с Младенцем из Назарета в Египет и последующем возвращении. О бегстве в Египет в Евангелии от Матфея говорится следующее: «... Ангел Господень является во сне Иосифу и говорит: встань, возьми Младенца и Матерь Его, и беги в Египет, и будь там, доколе не скажу тебе; ибо Ирод хочет искать Младенца, чтобы погубить Его. Он встал, взял Младенца и Матерь Его ночью, и пошел в Египет. И там был до смерти Ирода» (Мф. 2:13-16) [5, НЗ, с. 2]. Других подробностей о том, как это было, в Новом Завете мы не найдем.

В стихотворении «На пути из Назарета» (31.VII.1912) И. А. Бунин воспроизводит эту сцену, опираясь на собственное воображение. Перед нами возникают образы скромной и простой в своей небесной чистоте и красоте Матери с ребенком на руках, сидящей на сером ослике:

Как спокойно поднялся
Аравийские ресницы
Над глубоким теплым мраком,
Что сиял в Ее очах! [6, с. 259];

Иосифа:

Тот, кто гнал его (ослика – прим. автора – Е. А.), был в пыльном
И заплатанном кунбазе,
Стар, с блестящими глазами,
Сизо-черен и курчав.

Он, босой и легконогий.
За хвостом его поджатым
Гнался с палкою, виляя
От колючек сорных трав [Там же];

а также те места, по которым они шли из Назарета:

Каменистая синела
Самария вокруг меня,
Каменистая долина
Шла по ней, а по долине
Семенял ушастый ослик
Меж посевов ячменя [Там же].

И. А. Бунин поэтически как бы продолжает строки Священного Писания, показывает, что было после того, как Ангел Господень приказал Святому семейству уйти из Назарета. Реминисценция звучит уже в названии стихотворения, так как упоминание Назарета уже отсылает нас к библейской истории, к тем местам, где прошло детство Иисуса, где зародилось христианство.

В последнем восьмистишии звучит мысль о том, что человечество без Бога жить не сможет:

И само еще не знает,
Что оно иного жаждет,
Что еще раз к Назарету
Приведет его судьба! [Там же, с. 260].

И сбудется написанное в Евангелии: «...да сбудется реченное Господом через пророка, который говорит: “из Египта воззвал Я Сына Моего”» (Мф. 2:15) [5, НЗ, с. 2]. Уйдя из Назарета, «венчая властью божеской тиранов», «обагрив руки кровью в жажде злата и раба», рано или поздно оно снова вернется в Назарет, к Богу.

К этому же евангельскому сюжету восходит стихотворение И. А. Бунина «Бегство в Египет» (21.X.1915). Название и сюжет стихотворения – библейская реминисценция. «Бегство в Египет» написано в форме поэтической легенды, где обнаруживаются лишь трансформированные отсылки к факту «бегства» Богородицы с Младенцем, в которых ощутимо проявляется воображение художника. К примеру, дорога из Назарета лежит через безводные пустыни, а у Бунина

По лесам бежала Божья Мать
Куньей шубкой запахнув Младенца [6, с. 296].

В этом путешествии она была не одна, а здесь о спутниках ничего не сказано. Поэт художественными средствами подчеркивает необычность происходящего:

Стлалось в небе Божье Полотенце,
Чтобы ей не сбиться, не плутать...;

опасность пути:

А в дремучих зарослях, впотьмах,
Жались, табунились и дрожали,
Белым паром из ветвей дышали
Звери с бородами и в рогах [Там же].

В последней строфе И. А. Бунин метафорически говорит о конце царства Ирода, царства Ветхого Завета, и о начале новой эры, Царства Христа:

И огнем вставал за лесом меч
Ангела, летевшего к Сиону,
К золотому Иродову трону,
Чтоб главу на Ироде отсечь [Там же].

Логическим продолжением по смыслу этих двух поэтических текстов является стихотворение «Новый Завет» (24.III.1914), написанное по времени между ними, но повествующее о приказании Господа Иосифу вернуться из Египта в Назарет. А. К. Бабореко отмечает, что стихотворение первоначально называлось «На пути из Египта» [3, с. 281].

В Евангелии от Матфея о возвращении из Египта мы читаем: «По смерти же Ирода, – се, Ангел Господень во сне является Иосифу в Египте. И говорит: встань, возьми Младенца и Матерь Его и иди в землю Израилеву, ибо умерли искавшие души Младенца. Он встал, взял Младенца и Матерь Его и пришел в землю Израилеву» (*подчеркнуто автором – Е. А.*) (Мф. 2:19-21) [5, НЗ, с. 2].

И. А. Бунин поэтически преображает евангельский текст: с Иосифом беседует не Ангел Господень, а Сам Господь:

С Иосифом Господь беседовал в ночи,
Когда Святая Мать с Младенцем почивала... [6, с. 282].

Автор воссоздает атмосферу доверительной беседы Бога с Иосифом. В поэтическом тексте присутствуют неявные реминисценции из Ветхого Завета: упоминается разрушение Иерусалима (отсылка к ветхозаветной книге «Плач Иеремии»):

«...Пророки Мой древний Дом оплакали со Мной...» [Там же].

И, наконец, последние строки стихотворения являются поэтически трансформированной реминисценцией из Евангелия от Матфея (2:20) [5, НЗ, с. 2]:

Иосиф! Я расторг с жестокими Завет
Исплни в радости Господнее вельенье:

Встань, возвратись в Мой тихий Назарет –

И всей земле яви Мое благоволение [6, с. 282] (*подчеркнуто автором – Е. А.*).

Стихотворение написано в период Великого поста 1914 г. Поэт стремится постичь глубинный смысл Евангелия, отрицает всякое насилие, жестокость, суд над себе подобными. С горечью он констатирует, что «...проливает мир кровавых слез потоки» [Там же]. Однако милость Господа настолько велика, что Он заключает с людьми в лице Иисуса Христа Новый договор. Глагол в повелительном наклонении «встань!» подчеркивает твердость и непоколебимость Божественной воли в заключении с народом Нового Завета. Утверждение истин христианства в поэзии И. А. Бунина происходит в том числе и через сюжетные реминисценции о бегстве в Египет из Священного Писания.

Евангельская притча о блудном сыне (Лк. 15:11-32) [5, НЗ, с. 85-86] реминисцируется И. А. Буниным в стихотворении «И цветы, и шмели, и трава, и колосья...» (1918). В Священном Писании под «блудным сыном» понимается раскаявшийся грешник. В притче старший сын уподобляется книжникам и фарисеям, возводящим в достоинство исполнение Божиего Закона по форме, но внутренне равнодушных, бессердечных, пренебрежительно относящихся к людям, раскаявшимся в своих грехах и ставших на путь исправления. Младший сын в этой притче сравнивается с грешником, который сначала пренебрег жизнью по воли Божией и стал на путь, ведущий к духовной гибели, но затем осознал свои ошибки, принес покаяние и возвратился в Отчее Лоно. Евангельский «блудный сын», согрешивший и раскаявшийся, сродни исцелившемуся смертельно больному или воскресшему из мертвых. В тексте Нового Завета с притчей о блудном сыне явно перекликаются притчи о заблудшей овце и о потерянной драхме. В них проводятся параллели с житейскими ситуациями, когда что-либо утраченное и вновь обретенное доставляет человеку большую радость, чем то, что не было потеряно. «Блудный сын» в евангельской притче в конечном итоге осознает, что значит потеря Отчего Дома, милости Божией и удаление от Отца Небесного, а также понимает, что любовь Всевышнего не имеет границ и дарует оступившемуся, «заблудившемуся», но раскаявшемуся, новые блага.

Лирический герой бунинского стихотворения восторгается совершенством и красотой Божиего мира:

И цветы, и шмели, и трава, и колосья,
И лазурь, и полуденный зной... [6, с. 365],

безграничным милосердием Отца Небесного. Однако он отдает себе отчет в том, что недалек тот день, когда все предстанут пред Господом:

Срок настанет – Господь сына блудного спросит:
«Был ли счастлив ты в жизни земной?» [Там же].

И тогда каждый будет должен дать отчет за свои поступки, совершенные в земной жизни. Бунинский лирический герой, а вместе с тем и автор, умеет отличать истинные ценности от ложных, так как, по мысли Бунина-поэта, лишь «...счастье жить вовеки не умрет» [Там же, с. 97-98]. И далее он продолжает:

И забуду я все – вспомню только вот эти
Полевые пути меж колосьев и трав –
И от сладостных слез не успею ответить,
К милосердным Коленам припав [Там же, с. 365].

Поэт воспринимает мир как Божье творение, где человек и природа неразделимы. Реминисцентная проекция притчи о блудном сыне на бунинскую современность помогает понять внутреннее состояние тех русских людей, которые в это сложное время становились эмигрантами не по своей воле. Евангельский образ «блудного сына» в постреволюционную эпоху становится вдвойне символическим.

Использование Буниным-художником различных «вкраплений» из предшествующей культурной парадигмы, к которой можно отнести и новозаветные реминисценции, способствует историко-культурной наполненности его текстов, их информативности. Такой подход дает более глубокое понимание авторского отношения к изображаемому.

Таким образом, обращение Бунина к новозаветному тексту в поэтических произведениях 1910-х годов во многом обусловлено биографически и исторически. Бунин-художник воспринимает движение истории как продолжение Священного Писания. Жизнь отдельного человека в его творчестве всегда связана с жизнью человечества, а чувство благодарности является главным и для бунинского лирического героя, и для автора, несмотря на все невзгоды и трагедии. Евангельский подтекст ведет писателя к христианскому пониманию мира и истории, времени и пространства, памяти и забвения. Привлекая реминисценции из Священного Писания, Бунин говорит о конечном торжестве веры, добра, правды и любви над ложью и злом, он верит в великое будущее России.

Список литературы

1. Андреева С. Л. Библейские реминисценции как фактор текстообразования (на материале И. А. Бунина «Тень птицы», «Окаянные дни», «Миссия русской эмиграции»): автореф. дисс. ... к. филол. н. М., 1998. 16 с.
2. Атаманова Е. Т. Русская литература XIX века в контексте художественной прозы И. А. Бунина (проблема реминисценций): автореф. дисс. ... к. филол. н. М., 1998. 20 с.
3. Бабореко А. К. И. А. Бунин. Материалы для биографии (с 1870 по 1917). М.: Худож. лит., 1983. 351 с.
4. Бердникова О. А. «Так сладок сердцу Божий мир»: творчество И. А. Бунина в контексте христианской духовной традиции: монография. Воронеж: Воронежская областная типография; Изд-во им. Е. А. Болховитинова, 2009. 272 с.
5. Библия. Книги Священного Писания Ветхого и Нового Завета. Канонические. USA: Chicago, 1989. Ветхий Завет (ВЗ). 925 с.; Новый Завет (НЗ). 296 с.
6. Бунин И. А. Собрание сочинений: в 8-ми т. М.: Моск. рабочий, 1993. Т. 1. 540 с.
7. Гришина С. В. Жанровое своеобразие и интертекстуальный уровень содержания «Окаянных дней» И. А. Бунина // И. А. Бунин и мировой литературный процесс: мат-лы междунар. науч. конф., посвящ. 130-летию со дня рождения писателя (20-22 сентября 2000 г.). Орел: [б.и.], 2000. С. 73-79.
8. Климова Г. П. Творчество И. А. Бунина и М. М. Пришвина в контексте христианской культуры: автореф. дисс. ... д. филол. н. М., 1993. 51 с.
9. Пронин А. А. Судьба цитат из христианских источников в книге И. А. Бунина «Жизнь Арсеньева. Юность» // Евангельский текст в русской литературе XVIII-XX веков. Цитата, реминисценция, мотив, сюжет, жанр. Петрозаводск: Изд-во Петрозаводского гос. ун-та, 1998. Вып. 2. С. 505-513.

THE REMINISCENCES OF THE NEW TESTAMENT IN I. A. BUNIN'S POETRY OF THE 1910S

Atamanova Elena Tikhonovna, Ph. D. in Philology, Associate Professor
Bunin Yelets State University
et-atamanova@mail.ru

The article is devoted to the study of the New Testament in I. A. Bunin's poetry of the 1910s. The research of the Russian writers' creative work in the context of Christian culture has notably become more active in the Russian literary criticism of recent years. The main reminiscences of the New Testament in I. A. Bunin's poetical heritage of the given period are singled out and analyzed in the work, their functional meaning is defined, and the reasons for the poet's appeal to the Holy Writ are given.

Key words and phrases: reminiscences of the New Testament; I. A. Bunin's poetry; Christian culture; quotation; gospel plot; poetical legend; parable of a prodigal son; historical-cultural context.

УДК 811.11-112

Филологические науки

В статье рассматривается проблема растущего негативного влияния английского языка на немецкий язык, чрезмерное употребление англицизмов в немецкой речи, особенно в молодежной среде, не всегда обоснованное заимствование или создание искусственных английских слов внутри немецкого языка, что грозит ему потерей своей индивидуальности и сохранности как культурного достояния.

Ключевые слова и фразы: англицизмы; глобализация; заимствования из английского языка; экономика; реклама; коммуникация.

Бабаянц Владимир Аванесович, к. пед. н., доцент

Бабаянц Владислав Владимирович

Северо-Кавказский федеральный университет

TUvlad@yandex.ru; babich872002@yahoo.com

АНГЛИЦИЗМЫ В НЕМЕЦКОМ ЯЗЫКЕ®

Немецкий язык всегда испытывал на себе влияние других языков, и в первую очередь латинского и греческого (das Datum, der Genitiv, komponieren; das Auto, der Chor, die F(Ph)otograf(ph)ie) [4], и сегодня, в эпоху всеобщей глобализации, как и многие другие языки, он испытывает сильное давление английского языка.

Англицизмы в немецком языке присутствуют практически во всех сферах современной жизни: в кино, в политике, экономике, моде и спорте. Это присутствие объяснимо по ряду причин, большинство из которых имеют выраженный экстралингвистический характер, а именно глобализация английского языка, возникновение новых понятий в силу развития техники и компьютерных технологий, а также обширная демонстрация американского образа жизни, в основном в средствах массовой информации.

Большая часть англицизмов «пришла» в немецкий язык в 1945 году, после оккупации Германии. После объединения ГДР и ФРГ в 1990 году этот процесс продолжился.

Понятие «англицизм» имеет несколько определений. В принципе, они выражают одно и то же. Приведем лишь некоторые из них.